

Глава 19

Монстр в периоде жара положил на него глаз, желая утащить в своё логово.

Сюй Юйлянь должен был давно заметить неладное. Ещё в тот вечер у реки, когда ледяные руки коснулись его живота и прозвучал тот самый вопрос: «Можешь родить мне дитя?».

Но маленькая бабочка в таких делах всегда была непроходимо наивна.

Кроме чётко обозначенных заданий, он мало о чём задумывался, инстинктивно ленился, бессознательно избегая сложных тем. Он просто почувствовал себя странно и испугался, а вскоре и вовсе выбросил этот случай из головы.

Система знала: даже не потеряй он человеческую память, он всё равно бы ничего не понял. Если не разжевать ему каждое слово, пропитанное хищническим вожделением, он просто не уловит смысла.

А если бы и уловил, что с того?

Он был по-детски наивен, до смешного простодушен и совершенно не осознавал, какой внешностью обладает. Вероятно, он бы с полной серьёзностью возразил: «Я же самец бабочки, как я могу родить кому-то дитя?».

Откуда ему было знать, о чём на самом деле помышляли другие.

Или о тех вещах, что монстр намеренно оставлял внутри и снаружи его дома, помечая территорию, словно злобный пёс. Скрываясь в тени, он наблюдал, как Сюй Юйлянь приближается к его меткам своим прелестным личиком, и зрачки его от возбуждения сужались в вертикальные щёлки. Напрягшиеся мускулы, нескрываемая бурная реакция тела — казалось, он в любой миг готов был ворваться в комнату и прижать юношу к кровати.

Сюй Юйлянь ни о чём не догадывался.

Он лишь тонкими, изящными пальцами брал эти предметы и, послушав Систему, выбрасывал в сторону. На его лице отражался неподдельный испуг — он и впрямь был напуган, почти так же, как в тот вечер у реки. Один взгляд на него заставлял монстра чувствовать, как по телу расплзается жар.

И монстр изменил свой первоначальный план.

Нежная самка была не пищей. Он оставит его здесь. Он хотел, чтобы тот навсегда остался с ним.

Не желая пугать свою самку, монстр тайно следовал за этими странными людьми повсюду. От персикового сада до его комнаты, до самой реки у подножия горы — везде он оставлял следы своего присутствия. Он ждал, что его самка заметит его, но видел лишь, как другие, отвратительно пахнущие люди, постоянно приближаются к его сокровищу.

Система не могла вмешаться — это касалось основной сюжетной линии.

Сюй Юйлянь чувствовал неладное, но так и не смог связать все нити воедино.

Поэтому, когда он закрыл за собой дверь раздевалки и монстр, прижав его к принесённой им же одежде, впился в его губы поцелуем, до него лишь смутно дошло: тот самый монстр снова пришёл его мучить.

— Мм!

Короткий, слабый вскрик, похожий на кошачье мяуканье.

Снаружи было шумно: слышались голоса сотрудников, в спешке настраивающих съёмочное оборудование, и жалобы других участников. Эти звуки напоминали Сюй Юйляню, что он находится на съёмочной площадке реалити-шоу, под прицелом десятков камер, в раздевалке, окружённой людьми, и прячется здесь вместе с монстром.

Словно двое отверженных, не принятых миром.

Сюй Юйлянь ничего не видел. С той самой минуты, как он вошёл, монстр тихо шептал его имя.

— Ляньлянь, — неизвестно где он его подслушал.

Сюй Юйлянь попытался что-то сказать, но чужая ладонь зажала ему рот. В непроглядной тьме он мог лишь отчаянно мотать головой. В его глазах, подёрнутых влажной пеленой, отражался расплывчатый силуэт, и по щеке скатилась одинокая слеза.

— Ляньлянь.

Монстр не хотел, чтобы он плакал. Сюй Юйлянь ему нравился, и он желал окружить его всем самым лучшим. Унести отсюда, спрятать у себя на груди, укрыть ото всех, чтобы они остались только вдвоём.

— Ляньлянь.

Монстр продолжал звать его по имени с едва уловимой нежностью в голосе. Но действия его

были грубыми и властными. Он мёртвой хваткой вцепился в талию Сюй Юйляня, и то место, что он и так счёл «тонким», теперь, казалось, стало ещё уже.

— М-м-м... у-у...

Сюй Юйлянь извивался, пытаясь вырваться из его объятий, но куда ему было тягаться с чудовищем, выросшим в диких горах.

Несоразмерность их сил стала очевидна, как только Сюй Юйлянь оказался на коленях мужчины. Он напрягся, но даже кончиками пальцев ног не доставал до пола. Одной рукой монстр мог бы полностью закрыть его лицо, а грубая ладонь, сомкнувшись на шее, лишила его всякой возможности двигаться.

Вскоре силы оставили Сюй Юйляня, и на кончике его носа выступили бисеринки пота. Воздух, пропитанный влагой, казалось, вот-вот соткётся в плотную сеть, окутывающую их.

Монстр провёл пальцами по выступающим позвонкам на его спине, прижимая к себе, и снова позвал:

— Ляньлянь.

Казалось, он только это слово и умел повторять. Он непременно хотел, чтобы Сюй Юйлянь сидел прямо перед ним, так близко, чтобы их дыхание смешивалось, чтобы тот ясно ощутил всю силу его влечения. И он прижал его ещё крепче.

Сюй Юйлянь знал. Он всё чувствовал.

Когда он заходил в воду, на нём были светло-бежевые брюки. Вернувшись, он обнаружил, что они испачканы, и ему нужно было полностью переодеться, для чего он и пришёл в раздевалку. Теперь же, когда эти брюки были с него сняты, на нём остался лишь тонкий клочок ткани, который монстр уже успел изучить, — тот самый, что прикрывал места, которых он и сам редко касался.

Поэтому, когда монстр вдруг прижался к нему, он неконтролируемо задрожал, и слёзы хлынули с новой силой.

Да разве это можно было назвать «прижался»?

В воде тело монстра ещё скрывала чешуя, но на суше, приняв человеческий облик, он почти не отличался от людей. Кроме серебристо-белой чешуи, всё ещё покрывавшей его руки, ничто не выдавало в нём чудовища.

Монстру не хватало человеческого мышления, он действовал, повинаясь инстинктам, но другие вещи его мало интересовали. Местные жители называли его Горным духом. Нет, он был просто монстром со странными способностями, который сотни лет жил в одиночестве.

Прежде периоды жара никогда не были такими сильными. Монстр мог просто отсидеться в воде, но в этот раз всё началось внезапно, после того как он укусил кое-кого в реке. Словно кожа новоприбывшего нежного создания была пропитана ядом, заставившим его тело выйти из-под контроля.

На самом деле монстр всегда считал себя дефектным. Будь он лучше, он стал бы похож на своего брата — ничем, кроме цвета глаз и крови, не отличался бы от человека. Он знал, что его самке нравятся те, другие, поэтому на суше он старался поддерживать человеческий облик.

Но монстр не понимал, насколько переходит черту. Он и сам не носил одежды, и своей самке не позволял прикрываться. Он беззастенчиво выставлял своё желание напоказ и, потому что ему нравилось, прижимал Сюй Юйляня к себе.

Это нельзя было назвать просто «прижался».

Голубая рубашка уже не спасала. Жар, словно острое лезвие, скользил по нежной человеческой коже, грозя расплавить её, проникнуть внутрь.

Маленькая бабочка упиралась в грудь монстра, но кончики пальцев её бессильно сжались, изгибаясь, словно ивовые листочки. Неопишуемое ощущение лишило его контроля над собственным телом. Его голос, приглушённый ладонью монстра, превращал даже самые отчаянные вскрики в невнятное мычание.

Густые, длинные ресницы дрожали, как крылья бабочки, попавшей под проливной дождь. Тяжесть слёз становилась всё ощутимее, заставляя веки Сюй Юйляня смыкаться.

Монстр больше не предпринимал никаких действий. В кромешной тьме раздевалки он заворожённо смотрел на покрасневшее лицо Сюй Юйляня. Прозрачная слезинка дрожала на его ресницах, готовая сорваться. Заметив, что монстр затих, Сюй Юйлянь украдкой взглянул на него, но не успел ничего разглядеть. Монстр резко наклонился и слизал её.

Влажный, горячий язык, коснувшийся его кожи, — это было совершенно новое, незнакомое ощущение. Кожа вокруг глаз чувствительна, и даже обычная температура показалась бы обжигающей, не говоря уже о монстре в периоде жара.

Он невольно сжался в комок, пытаясь обрести хоть какую-то защиту. Его стройные, обнажённые ноги, обхватившие талию монстра, мелко дрожали, а стопы в белых носках выгнулись в хрупкой дуге.

Это натолкнуло монстра на новую мысль. Он был в восторге.

Его ладонь была мокрой от горячего дыхания и слюны, которую юноша не мог сдержать, — до одури ароматной.

Снаружи стемнело ещё сильнее.

Сюй Юйлянь уже не помнил, сколько времени он здесь провёл. Он даже не мог заставить себя об этом думать. Он никогда не был в таком плачевном состоянии, ему казалось, что он вот-вот умрёт.

В этот тёмный, полный шума миг, монстр, принявший человеческий облик, придержал его за шею, силой раскрыл его нежный рот и своим языком заглушил рвущиеся наружу рыдания. Он прошёлся по самому основанию языка, вылизывая всё дочиста, настойчиво вторгаясь в его пространство.

Сюй Юйлянь чувствовал, как тот безжалостно теснит его, и это было совсем не похоже на обычные прикосновения. Уголки его глаз покраснели, а на ключицах от тяжёлого дыхания выступила тонкая плёнка пота. Слезы, словно оборвавшиеся нити жемчуга, собирались в ладони монстра в маленькое озерцо.

Монстр прижался лбом к его лбу и прошептал:

— Ляньлянь.

Маленькая бабочка в тумане сознания вдруг вспомнил их первую встречу у реки. То странное существо, что укусило его за ногу.

Монстр подслушал разговор между ним и его братом. И теперь, подражая Юй Цичу, он без конца повторял: «Ляньлянь».

Он украл это имя, как украл и самого человека. Монстр в человеческом облике не вёл себя как человек. Он знал лишь одно: только его пара может его спасти.

Но он не хотел больше видеть слёз Сюй Юйляня и, как бы приятно это ни было, не смел продолжать, а лишь обнимал его и без конца повторял его имя.

Маленькая бабочка, не знавшая даже самоудовлетворения, чувствовала себя ужасно. Ему было плохо везде и во всём. В объятиях монстра он не мог ни пошевелиться, ни заговорить, и даже дышать становилось всё труднее.

Именно в такие моменты Сюй Юйлянь всё отчётливее осознавал, что перед ним — монстр.

И этот монстр, кажется, действительно собирался его съесть. Грубые пальцы исследовали каждый сантиметр его кожи, словно мясник, осматривающий свой ужин перед тем, как взяться за нож. Он пробовал на вкус каждый уголок его тела.

Сюй Юйляню было плохо. Он дрожал всем телом, а его губы, которые монстр ненадолго оставил в покое, распухли и налились кровью. Он прикусил их. Монстр уже убрал руку от его лица, но другая всё ещё бесцеремонно оглаживала его живот.

Но Сюй Юйлян в этот момент уже забыл, что нужно звать на помощь. Он безучастно полулежал на груди одежды, его волосы сбились в беспорядке, а взгляд затуманился. Казалось, ещё немного, и он окончательно созреет от этих поцелуев. Дыхание было важнее криков о помощи.

Никто бы не догадался, что произошло в этой тесной комнате за столь короткое время. Такой опыт был для Сюй Юйляня первым, и он не мог подобрать слов, чтобы описать свои чувства. Он был напуган и сбит с толку, но растерянность перевешивала всё остальное.

Картина была ужасающей.

Хрупкий, нежный юноша в объятиях огромного монстра. В тесном углу монстр, используя влажную, пахнущую его ароматом одежду, свил себе гнездо. Возникло подозрение, что, если бы им не помешали, он бы провёл здесь весь период жара.

Щёлк.

Тусклый свет залил комнату, и дверь раздевалки снова плотно закрылась.

Юй Цичу и Се Жуйцзэ, открывшие дверь, застали именно такую сцену.

Насыщенный аромат, исходящий от кожи юноши, смешанный с тошнотворным запахом речной воды, ударил в нос. Любой, кто вошёл бы в эту комнату, сразу бы понял, что здесь произошло. Тем более что одежда на них двоих едва держалась и грозила упасть от малейшего движения.

В воздухе повисла удушающая тишина. Взгляды ворвавшихся, острые, как лезвия, готовы были содрать с монстра кожу, а тот, в свою очередь, с яростью смотрел на них.

— Так это и есть твой «пропавший» братец? — Хруст костяшек пальцев прозвучал особенно отчётливо. Се Жуйцзэ уже не мог сдерживать своё выражение лица.

Юй Цичу позеленел от злости и тихо процедил:

— Ду Чжоу.

Получив немного пространства для дыхания, Сюй Юйлянь оперся на руку монстра и, в этой напряжённой атмосфере, слегка приподнялся. Прищурившись, он привык к свету и наконец разглядел лицо того, кто его обнимал.

Глубоко посаженные брови, тёмно-синие зрачки, сузившиеся в боевой готовности. Мощное тело, не прикрытое одеждой, было полностью освещено, и даже та странная штука, что так настойчиво в него упиралась, была видна отчётливо.

Сюй Юйлянь в панике отвёл взгляд.

Произошедшее всё ещё пугало его, но он, кажется, начал смутно что-то осознавать. Тот не съел его, просто кусал очень больно и был очень горячим.

Его блуждающий взгляд на мгновение задержался на блестящей чешуе на руке монстра, а затем инстинктивно переместился на Юй Цичу, стоявшего у двери.

Странно... хотя они были не похожи ни темпераментом, ни чертами лица, Сюй Юйляню почему-то показалось, что в их очертаниях есть что-то общее.

Они действительно братья? Тогда Юй Цичу тоже монстр?

Придя в себя, Сюй Юйлянь вдруг оказался самым неосведомлённым в этой комнате. Он был из тех, кто быстро забывает обиды, особенно когда зажётся свет и он осмелел. Он всё ещё сидел в чужих объятиях, его лицо было мокрым и раскрасневшимся от слёз, на щеке виднелся след от пальцев, но он уже умудрялся отвлекаться. Возможно, от поцелуев у него закружилась голова, и он не мог трезво оценить ситуацию.

Но со стороны это выглядело иначе.

Он всё ещё неконтролируемо дрожал. Ресницы отбрасывали тень на щёки, и от малейшего их движения на пол капали слёзы. Казалось, он полностью обессилел и безвольно откинулся на стену. На его белоснежной шее алели отметины, оставленные монстром, — всё говорило о том, что его только что безжалостно терзали.

Так оно и было.

Бледно-розовые губы были силой «доведены до зрелости», и теперь они были такими алыми, что, казалось, вот-вот капнет кровь. Невинное, детское лицо в этот момент стало невероятно соблазнительным. Два противоречивых качества неожиданно слились в нём, и одного взгляда было достаточно, чтобы потерять голову.

— Ду Чжоу!

Монстр в периоде жара, обретший пару, не признавал никого. На гневный окрик Юй Цичу он ответил яростным рычанием. Очевидно, теперь Юй Цичу был для него захватчиком, посягающим на его самку.

Сюй Юйлянь, которого Ду Чжоу бессознательно стиснул в объятиях, поморщился от боли и тоже позвал:

— Ду Чжоу...

Он долго плакал, и хотя крики застревали в горле, голос его охрип. Этот тихий, слабый шёпот можно было легко пропустить.

Но монстр, который секунду назад щетинился иглами, тут же обернулся.

— Ляньлянь?

Ду Чжоу не был уродлив. Напротив, благодаря своей звериной дикости, он, возможно, был самым ярким среди всех участников. И сейчас, когда он смотрел на Сюй Юйлянь с тревогой и восторгом, его взгляд был таким преданным, что Сюй Юйлянь на мгновение замер.

«Ду Чжоу, должно быть, из породы рыб, но почему он ведёт себя как собака?»

Маленькая бабочка, кажется, имела дурную привычку сравнивать всех с собаками. Кроме этого сравнения, он, похоже, не знал других.

Двое мужчин, готовых броситься в бой, замерли от этого окрика. Сначала они боялись навредить Сюй Юйляню, которого держал Ду Чжоу, но потом их терпение лопнуло. Кто угодно потерял бы самообладание, увидев любимого человека в чужих объятиях, тем более что тот явно был не по своей воле.

Юй Цичу, похоже, понял состояние Ду Чжоу и, схватив свободную одежду, бросил её ему.

— Ляньляню плохо, тебе лучше его отпустить.

Он не был уверен, что справится с Ду Чжоу в таком состоянии, не говоря уже об обычном человеке, как Се Жуйцзэ. В ситуации, когда драка могла задеть Сюй Юйлянь, заставить Ду Чжоу отпустить его добровольно было лучшим решением.

Ду Чжоу несколько секунд тупо смотрел на одежду. Он понимал человеческую речь и умел говорить, но не так хорошо, как маленькая бабочка.

— Ляньляню плохо?

Ду Чжоу снова попытался поцеловать Сюй Юйляня на глазах у двоих мужчин.

— Нельзя, не целуй, — увернулся Сюй Юйлянь. Его тёмные, влажные ресницы блестели в свете ламп, словно покрытые блёстками.

Юй Цичу схватил Ду Чжоу за волосы, не сдерживая силы. Сюй Юйлянь увидел, как изо рта того показались острые клыки.

— Ему плохо именно потому, что ты его целуешь! Мразь в течке, катись отсюда, — выругался Юй Цичу, совершенно потеряв терпение.

Ду Чжоу проигнорировал его и осторожно коснулся уголка глаза Сюй Юйляня.

— Не плачь, не плачь, Ляньляню не будет плохо.

Он выглядел таким глупым.

Сюй Юйлянь уже не чувствовал себя таким уж обиженным. Ему казалось, что Ду Чжоу — просто животное, которое ничего не понимает.

[...]

— ?

[Хозяин, одежда.]

С горем пополам Сюй Юйляня удалось выволить из объятий Ду Чжоу, но так как вся его одежда была испорчена, ему пришлось выбирать между вещами Се Жуйцзэ и Юй Цичу.

Надев первую попавшуюся рубашку Се Жуйцзэ, Сюй Юйлянь поднял глаза и увидел, что Ду Чжоу, которого Юй Цичу силой заставил одеться, уже начал действовать.

Монстр в периоде жара обладает сильным чувством собственности по отношению к своей паре, и такой поступок едва не заставил Ду Чжоу впасть в ярость.

Ду Чжоу сверлил их взглядом, а Юй Цичу держал его за шею, не давая подойти. Теперь, когда он полностью овладел рычагами давления на Ду Чжоу, он сказал:

— Если будешь беситься, больше никогда не увидишь Ляньляня.

— ... — Тот и вправду затих.

Сюй Юйлянь моргнул и уже собирался что-то сказать, но Се Жуйцзэ приложил к его лицу горячее полотенце.

— Тебе плохо?

В тот момент ему, конечно, было плохо, но сейчас, прислушавшись к себе, Сюй Юйлянь понял, что Ду Чжоу, кроме слишком страстных поцелуев, ничего больше не делал.

Он кивнул.

— Губам и глазам плохо.

Се Жуйцзэ с каменным лицом приложил компресс к глазам Сюй Юйляня.

— Тот странный человек, о котором ты говорил в тот вечер, это был он?

Теперь до него дошло. В деревне не нашлось бы такого наглеца. Кроме этих двух безумцев, Юй Цичу и Ду Чжоу, кто ещё мог так поступить?

Сюй Юйлянь, с закрытыми глазами, не видел выражения лица Се Жуйцзэ и послушно ответил:

— Да, — и добавил: — Ду Чжоу очень любит трогать мой живот.

Период жара. Даже если Се Жуйцзэ не был в курсе подробностей, он должен был понимать, что это значит. Трогать живот, хм, он его уже почти женой называл, конечно, он будет трогать живот.

— Я убью его и отомщу за тебя, — злобно прошипел Се Жуйцзэ.

Сюй Юйлянь вздрогнул, не понимая, как разговор дошёл до такого. Юй Цичу, который всё ещё удерживал Ду Чжоу, услышал это и равнодушно усмехнулся:

— Если сможешь, убивай.

— Ду Чжоу в периоде жара не обращает внимания ни на что, кроме своей пары. Он не понимает слов и не боится смерти.

Он поправил очки.

— Ты его не одолеешь и ничего ему не объяснишь. Проще говоря, сейчас единственный, кто может его контролировать, — это Ляньлянь.

Се Жуйцзэ был готов умереть от злости. Его план был полностью разрушен. Вэнь Сюци не только не умер, но и этот безумный брат Юй Цичу сотворил такое с Сюй Юйлянем.

— И ты предлагал мне сотрудничество с этим неконтролируемым существом?

Юй Цичу тоже не понимал, что происходит с Ду Чжоу.

— Это моя вина. Если хочешь расторгнуть сделку, пожалуйста.

Се Жуйцзэ в этот момент было наплевать на смерть Вэнь Сюци. Он лишь хотел, чтобы этот сумасшедший монстр держался подальше от Сюй Юйляня.

— Ты сказал, что он сейчас слушается только Ляньляня. Так пусть Ляньлянь скажет ему убираться.

— Если пара его отвергнет, кого он будет слушать?

Взгляд Юй Цичу упал на Сюй Юйляня. На его тонких, видневшихся из-под одежды лодыжках атели красные следы. Нетрудно было представить, с каким упоением Ду Чжоу целовал это место. Он хотел было саркастически усмехнуться, но уголки его губ так и остались опущенными.

— Если мы так сделаем, завтра мы можем не найти Ляньляня.

— Ду Чжоу не такой, как я. Он похож на демона-яо, его способности превосходят мои, особенно когда он готов умереть за что-то.

— Такие, как мы, — сказал Юй Цичу, — ставят свою пару превыше жизни. — Эти слова, произнесённые словно клятва, были то ли объяснением, то ли попыткой продемонстрировать собственную преданность.

Они говорили, совершенно не стесняясь Сюй Юйляня.

Сюй Юйлянь, с закрытыми глазами, держал на лице горячее полотенце и слушал их разговор, в то время как в его голове звучал электронный голос Системы, сообщающий о прогрессе.

[В глубине гор плетутся бесконечные интриги. Это безмолвная битва между братьями.]

[Синий-1, Се Жуйцзэ, чтобы полностью устранить Синего-2, Вэнь Сюци, заключил сделку по обмену ресурсами с Синим-3, Юй Цичу. Синий-3, Юй Цичу, должен был незаметно избавиться от Синего-2, Вэнь Сюци, а Синий-1, Се Жуйцзэ, в обмен предоставлял ему месторождение минералов, необходимых для выживания инородной расы. И сородич Синего-3, Юй Цичу, — Ду Чжоу, был ключом к осуществлению этого заговора.]

Система, казалось, на мгновение замолчала.

[Поздравляем ведущего с обнаружением скрытой основной сюжетной линии этого мира.]

Задания и концовка каждого игрока строились вокруг этой основной линии, но не ограничивались ею. Основная линия была скорее фоном, определявшим возможные события в этом мире. Игроки, в основном, были сосредоточены на себе, и некоторые могли пройти свои личные задания и покинуть мир, так и не обнаружив главной интриги.

Неудивительно, что Система говорила, что этот мир опасен. Оказывается, пока он делал фотографии, эти люди уже готовили убийство.

Сюй Юйляня осенило.

Если бы всё шло по плану, он, вероятно, покинул бы этот мир задолго до финала основной сюжетной линии. Это можно было считать неожиданной удачей. Хотя предыстория этой удачи была слишком сумбурной.

Когда внимание Сюй Юйляня вернулось в раздевалку, Юй Цичу и Се Жуйцзэ всё ещё спорили.

— И что теперь делать? Просто позволить ему оставаться рядом с Ляньлянем? Ты с ума сошёл?

Маска вежливости уже давно слетела с Юй Цичу. Дело было не в том, позволяет он или нет. Ситуация полностью вышла из-под контроля.

— Ты думаешь, я хочу, чтобы он здесь оставался?

— ...

Тук-тук.

В дверь тихо постучали. Это снова были сотрудники.

Присутствующие переглянулись. Сюй Юйлянь снял с лица полотенце, и до него, кажется, только сейчас дошло:

— Одежда... она вся грязная.

Его тонкие брови сошлись на переносице, образуя печальную дугу. Он беспокоился, что кто-то это заметит. Его только что так целовали, а он беспокоился об одежде, о том, что кто-то увидит следы, которые он оставил. Он не мог отличить главного от второстепенного.

Се Жуйцзэ стиснул зубы.

— Не бойся, я позже всё уберу.

Юй Цичу кивнул.

— Я помогу тебе с макияжем, Ляньлянь. У тебя такая нежная кожа, вся в красных пятнах. — И на теле тоже.

Юй Цичу уже вздохнул с облегчением от того, что у Сюй Юйляня не было истерики. Сейчас он боялся неосторожным словом задеть его и не смел говорить ничего лишнего.

Но тот, о ком беспокоились, казалось, и не думал об этом. Для него это было всё равно что быть облизанным собакой. Просто прижались друг к другу и немного поцеловались. Они оба были самцами, ничего страшного. К тому же, он слышал, что Юй Цичу говорил о периоде жара. Ду Чжоу просто болен, на самом деле он очень послушный, просто немного глупый. Иначе с чего бы ему принять его за самку?

Словно этих мыслей было мало, Сюй Юйлянь неосознанно подлил масла в огонь:

— А что с Ду Чжоу? Если он будет рядом со мной, его же легко заметят, да?

Он думал о том, что задачей Ду Чжоу было устранить Вэнь Сюци. Но теперь, когда Ду Чжоу был в так называемом «периоде жара» и мог находиться только рядом с ним... Сюй Юйлянь не знал, как это повлияет на основной сюжет.

— Ляньлянь, это просто животное, какая разница, что с ним будет?

Ду Чжоу, услышав, что его пара зовёт его, тут же подбежал от Юй Цичу, полностью игнорируя провокацию Се Жуйцзэ, и немедленно заявил:

— Ляньлянь, я могу носить длинные рукава.

Прикрыв чешую на руках, в одежде он почти не отличался от обычного человека. Тёмно-синие глаза можно было объяснить линзами, а если поменьше говорить, то и вовсе сойти за своего. Он будет всегда рядом со своей парой, какой бы облик ему ни пришлось принять, на какие бы изменения ни пришлось пойти, он был готов. Если только он не умрёт, не было причин, которые могли бы заставить его покинуть свою пару.

— Первый вопрос. Сяо Сюй-лаоши, проведя здесь день, появился ли у вас кто-то, кто вам особенно симпатичен?

На экране юноша с лицом, нежным, как персиковый цвет, поджал губы и на мгновение задумался.

— Мне кажется, все очень хорошие. Каждый заботился обо мне.

Он был дипломатичен, не выделяя никого. Этот вопрос был завуалированной попыткой узнать, кого Сюй Юйлянью выберет вечером. Такой ответ заставил всех счесть его воспитанным и тактичным, и съёмочная группа тоже осталась довольна.

Ведущий улыбнулся Сюй Юйлянью.

— Второй вопрос. Сяо Сюй-лаоши и учитель Юй были знакомы раньше? Зрители заметили, что вы часто называете его братом.

— Мы были соседями, когда я был совсем маленьким, — Сюй Юйлянью не ожидал таких подробных вопросов. — С тех пор и называю его братом.

— Тогда не мог бы Сяо Сюй-лаоши обратиться к своим поклонницам, назвав их сестричками?

— А, — Сюй Юйлянью сжал руки, не ожидая такого поворота. Он так занервничал, что облилиз губы, но тут же почувствовал лёгкую боль и остановился. Его щёки порозовели. Он посмотрел в камеру и, улыбнувшись, сказал: — Добрый вечер, сестрички.

— А-а-а, малыш, мой малыш, целую-целую!

— Что это? Розовый комочек? Съем-ка я его. Что это, розовый комо...

— Фанаты-парни тоже хотят, чтобы их назвали братишками!

— Хорошо, и третий вопрос. Сяо Сюй-лаоши, вы раньше были фотографом певца Се. Вы знаете,

что ваши фотографии певца Се стали вирусными в сети?

Этого Сюй Юйлянь не знал, в последнее время у него совсем не было возможности пользоваться телефоном. Он честно покачал головой.

Ведущий не стал его мучить и продолжил:

— Поклонники считают, что ваши фотографии очень жизненные. Они хотели бы узнать, всегда ли Сяо Сюй-лаоши работает в таком стиле и, может быть, вы поделитесь своими техниками.

Кажется, снова началась его личная сюжетная линия. Система же говорила, что его тёмное прошлое с компрометирующими фотографиями раскроется. Неужели уже скоро?

Сюй Юйлянь тут же выпрямился и очень серьёзно ответил:

— Нет, этот стиль был выбран после обсуждения с певцом Се.

— Техника съёмки проста: фотографировать, когда считаешь певца Се некрасивым.

Непонятно, пытался ли он скрыть своё прошлое с компроматом или, наоборот, намеренно раскрывал карты, чтобы запутать всех. В комментариях царил весёлый смех, и никто не придал этому значения.

— Что-то не так, новый гость как будто стал ещё красивее.

— Он накрасился? Кажется, на губах блеск, такие пухлые, так и хочется поцеловать.

— Сводит меня с ума!!

— Малыш сегодня такой красивый, боже мой, такой соблазнительный, в глазах крючки.

Когда Сюй Юйлянь закончил интервью и вернулся в раздевалку, Юй Цичу и Се Жуйцзэ всё ещё были там. Они чуть не подрались из-за того, кто будет убирать тот угол, где валялся Сюй Юйлянь. Ду Чжоу тоже нервничал — это же было его гнездо. Но вскоре Юй Цичу пригрозил ему именем Сюй Юйляня, и тот затих. Он ждал здесь возвращения своей пары.

Се Жуйцзэ договаривался с Юй Цичу:

— Ты тайно расскажи мне, как убить твоего брата-монстра, и я отдам тебе это месторождение просто так.

Это не было хорошей новостью. Получить месторождение, даже не убивая Вэнь Сюци, означало, что теперь Ду Чжоу стал для Се Жуйцзэ самым ненавистным человеком. Это прямо говорило о том, что на этот раз Се Жуйцзэ всерьёз запал на Сюй Юйляня.

Юй Цичу, прислонившись к стене, скрестил руки на груди. В комнате всё ещё витал лёгкий аромат юноши. Он глубоко вдохнул и спросил:

— Ты хочешь и меня заодно прикончить?

— Узнав, что мы с братом похожи, и получив способ, ты бы прикончил нас обоих. Слишком хорошо ты всё продумал, великий певец Се.

— Что ты такое говоришь? — усмехнулся Се Жуйцзэ. — Мы же партнёры.

Юй Цичу счёл его игру неубедительной. Всё-таки не актёр, мастерства не хватает.

— Что такое партнёрство? Ты и на родного брата руку поднять готов.

Говоря это, Юй Цичу едва сдержал смешок. В конце концов, он и сам хотел прикончить Ду Чжоу, просто сейчас не мог его одолеть.

Сюй Юйлянь выглянул из-за приоткрытой двери.

— Скоро ужин, вы уже убрались?

Две пары братьев, желающих друг другу скорейшей кончины, встретились за обеденным столом.

Ду Чжоу теперь исполнял роль временного ассистента Сюй Юйляня, неотступно следуя за ним. У восходящей звезды, пусть и без менеджера, вполне мог быть помощник, это нормально.

[Если хозяин действительно попадёт в индустрию развлечений, он непременно станет большой звездой.]

— Угу! — Сюй Юйлянь гордо вздёрнул подбородок.

С покрасневшими уголками глаз и кончиком носа, с губами, распухшими от поцелуев так, что их контур расплылся, юноша сейчас больше походил на какую-нибудь старлетку восемнадцатого эшелона, которая ради карьеры позволяет себя целовать по ночам. Или на

избалованного молодого господина, который, благодаря своему происхождению, попав в шоу-бизнес, начал играть по своим правилам. Но какой бы ни была его роль, Сюй Юйлянь был уникален.

Из-за проблем с оборудованием Вэнь Сюци и несколько участников из красной команды, вернувшись в лагерь, были заняты уборкой. Он не знал, что произошло за это время с Сюй Юйлянем, не знал, что сегодня вечером чуть не лишился жизни, и уж тем более не знал, что его драгоценную бабочку целовала какая-то грязь.

Он всё ещё пребывал в своих фантазиях.

Вэнь Сюци заранее занял место прямо напротив Сюй Юйляня. Он специально выбрал эту позицию: так он мог не только видеть Сюй Юйляня, подняв голову, но и вовремя подкладывать ему еду. Кроме того, Вэнь Сюци долго репетировал перед зеркалом свой идеальный ракурс и собирался сохранять его на протяжении всего ужина. Он был слишком возбуждён.

Сегодняшний ужин, помимо того, что добыли участники, в основном состоял из еды, предоставленной съёмочной группой. Особенно это касалось основных блюд — не настолько же они были жестоки, чтобы морить голодом и нового гостя.

Все ели с удовольствием.

Вэнь Сюци помнил о своей договорённости с Сюй Юйлянем и при мысли о том, что они проведут ночь вместе, его сердце трепетало, и он не мог успокоиться. Он был на седьмом небе от счастья.

Если бы в начале шоу кто-то сказал ему, что он будет так радоваться одному СМС симпатии, Вэнь Сюци бы презрительно фыркнул. Но теперь всё было иначе.

Это же был Сюй Юйлянь. У приглашённого гостя за два дня был лишь один шанс выбрать, но он заранее договорился с ним, что они выберут друг друга. Очевидно, он был уверен в нём.

Выбрать его на глазах у всей страны — что это, если не признание?

Вэнь Сюци всё понял. Сегодня же он скажет родителям, чтобы при встрече называли его невесткой.

Из-за такого волнения Вэнь Сюци весь ужин был рассеян. Естественно, он не заметил слишком уж ревностного отношения нескольких человек к Сюй Юйляню. Кто-то подкладывал еду, кто-то подливал воду — со стороны можно было подумать, что они попали в отель с образцовыми официантами.

Иногда Вэнь Сюци, поднимая голову, встречался взглядом с Сюй Юйлянем, и при виде этих

влажных, светлых глаз его сердце начинало колотиться так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

Только после ужина, когда всех собрали играть в игру на ковре перед кинотеатром под открытым небом, Вэнь Сюци вдруг заметил, что рядом появился кто-то ещё.

Он впился взглядом в Ду Чжоу, стоявшего за спиной Сюй Юйляня, словно тот был вором.

Откуда взялся этот мужчина? Почему он так близко к Сюй Юйляню?

Ду Чжоу как раз думал, что расстояние слишком большое, и тайно планировал найти возможность сесть рядом со своей парой, как вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Его тёмно-синие, почти чёрные зрачки сузились.

— Ладно, выбирай: правда или действие.

Цзе Цзинлянь, видя, что Вэнь Сюци не реагирует, решил, что тот собирается уклониться, и разочарованно протянул:

— Неужели молодой господин Вэнь и здесь собирается схитрить?

Сюй Юйлянь, склонившийся над игрой, тоже поднял на него взгляд. От одного этого взгляда душа Вэнь Сюци, витавшая в облаках с самого вечера, наконец вернулась на место.

В центре лежала стеклянная бутылка из-под выпитого ими напитка, которую решили использовать как игровой реквизит.

Прозрачное горлышко сейчас указывало прямо на Вэнь Сюци, а донышко — на Сюй Юйляня. Они снова сидели друг напротив друга.

Словно это была судьба.

Сердце Вэнь Сюци потеплело, и ему уже было не до того, откуда взялся Ду Чжоу.

— Я выбираю правду.

— Скучно, — Цзе Цзинлянь, который крутил бутылку первым, не интересовался личной жизнью гостей и лениво спросил: — Какой самый плохой поступок молодой господин Вэнь совершил на этом шоу?

Вопрос был относительно приличным. Что такого уж плохого они могли сделать на этом шоу?

Но Вэнь Сюци, словно под гипнозом, начал мямлить что-то невнятное. Теперь всё пропало. Чем больше он увиливал, тем сильнее все настаивали, и закончить это было уже трудно, хотя никому на самом деле не было интересно.

— ...да что тут спрашивать, я просто... случайно увидел чьё-то отражение в стекле, — Вэнь Сюци, этот влюблённый золотистый ретривер, пробормотал.

Он мог бы сказать что-то более приличное. В конце концов, все они здесь вели себя по отношению друг к другу не лучшим образом. Но как только Вэнь Сюци услышал вопрос, в его голове всплыло лишь то отражение, которое он увидел в тот день в маленькой комнате. Ничего другого он вспомнить не мог.

Отражение, какое отражение? Он так и не объяснил толком.

Другие гости, услышав это, решили, что он говорит загадками, и на некоторое время воцарилось неловкое молчание. Даже другой участник событий, Сюй Юйлянь, ничего не понял. Только Система в его голове тихо хмыкнула.

[Хм.]

Настала очередь Вэнь Сюци крутить бутылку. Он сделал это с такой силой, что та превратилась в размытое пятно.

Вокруг было тихо, лишь шелестел на ветру листья. Все, включая зрителей прямой трансляции, затаили дыхание, словно надеясь, что следующей жертвой станет именно тот, кого они хотели.

Прозрачная бутылка, преломляя свет фонарей, казалась нереальной. Её вращение замедлялось, и наконец, она медленно остановилась.

Горлышко указывало на юношу, который, казалось, сидел в углу, но в то же время был в центре всеобщего внимания и снова витал в облаках.

Его тонкие веки, сквозь которые просвечивали капилляры, приподнялись и снова опустились. Заметив, что вокруг воцарилась полная тишина, он, кажется, что-то понял.

Его взгляд упал на Вэнь Сюци, и губы, подёрнутые влажной дымкой, слегка изогнулись в улыбке.

— Что ж, тогда я выбираю действие.